

Мгновения жизни

Валерия Флай

В УЗАХ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПРИТЯЗАНИЙ

«... и в узах греха своего он содержится».

Книга Притчей Соломоновых [5:22]

Узы – в старину так называли предметы: цепи, оковы, путы. Но узы – это и знак того, что стесняет, ограничивает свободу действий.

Притязание – прежде всего стремление к цели, осуществление которой приносит признание среди людей, но так же приносит и личное удовлетворение. С малых лет человека учат притязать на признание. Таков путь его социализации. Притязает каждый человек – это его сущностная, феноменологическая характеристика. Но на этом пути его ждут не только достижения. Разочарования его тоже ждут. Особенно коварны разочарования от неосуществленных амбиций.

Природа человека неистребима. Человек притязал, притязает и будет притязать на признание, на реализацию своих целей.

Неосуществленные притязания могут загнать человека в узы греха амбиций.

Предлагаю вниманию моего читателя истории, которые повергли в смущение мое сердце и мой разум. Я сочувствую и ужасаюсь одновременно тому, что с собой может сделать человек.

Амбиции – это касается и меня самой. Поэтому-то я равнодушна к тем, кто попадает в узы неосуществленных притязаний. Очень трудно человеку соотнести свои возможности и свои амбиции. Дерзания продвигают человека в развитии, и они же бросают его к демонам преисподни.

Хочу предложить вниманию моего читателя три сюжета, которые кровно связаны друг с другом. Три истории: одна уже в *прошлом*; другая – в капкане *настоящего*; третья – набирает обороты, устремляясь в *будущее*. Три истории дерзких притязаний.

История первая. Прошлая

Официальное его имя Эдуард. Но именно так в неформальном общении его никто никогда не называл. По жизни у него было много имен. Но он предпочитал, чтобы его звали Эд.

Эд был хрупок и невелик ростом. Всегда – в детстве, отрочестве и юности – он был недомерком, левофланговым. Он был весьма невелик. У взрослого Эда сохранились комплексы мелкого мужчины, которые проявлялись самым вычурным образом. Даже имя свое он препарировал в звучное и редкое – Эд. Как ему казалось, это было оригинально и сильно.

Детское имя *Эдик* сводило его с ума. Этот умалительный суффикс *ик*, так скромно стоящий позади звучного Эд, уничтожал его как личность и возмущал его тонкое к фонемам родного языка ухо. А наречение *Эдичка* – девчоночьи выдумки – превращало его вовсе в малявку. Эд – совсем другое дело: звучно, кратко, солидно.

Эд был наблюдателен, он легко схватывал смешные ситуации и затем весьма талантливо их рассказывал, драматизируя отдельные сцены и совершенно отрешенно повествуя о других эпизодах. Это впечатляло слушателей. При том он зорко наблюдал за реакцией своей аудитории, усиливая подробностями и тонкостью описания те сцены, которые вызывали особый интерес и особое удовольствие. В эти минуты Эд был обаятелен, мил.

От жизни Эд получил весьма привлекательный статус – он был кинорежиссер. Однако ему чего-то не хватало для того, чтобы стать известным кинорежиссером. Это что-то – талант. Исключительное свойство отдельных людей, которое дарует состояние творческого полета и головокружительное чувство свободы, – талант. Исключительный дар... Отдельных людей...

Став кинорежиссером, достаточно сообразительный Эд открыл для себя лежащую на поверхности жизненного опыта истину: кинорежиссер – это еще не талант, это название профессии.

Эд из кожи вон лез в талант. Его фильмы не были совсем плохими. Но они скорее всего были никакими. Его не знали зрители ни одного из поколений, его не знали представители ни одного из слоев населения. Его фамилия не задевала зрительского сознания. Она всякий раз ускользала из зон памяти, проваливалась в тартарары. Это было для Эда невыносимо. Это было оскорбительно. Названия его картин также не задерживались в памяти. Это злило и унижало.

Глядя на успехи других режиссеров, Эд дико завидовал им. Зависть – ненависть к ближнему за его преимущество перед тобой. Не-на-висть, не-на-висть – это чувство, искажающее личность, чувство, оскверняющее человеческий характер.

Эд постепенно становился все подозрительней: может быть, злая ирония окружающих обращена к нему, может быть, снисходительное отношение к его персоне присутствует в данный момент в сознании собеседника.

...Эд стал придирчиво и внимательно следить за тем, как общаются с ним люди. Он перестал быть хорошим рассказчиком. Он разучился радостно делиться своими наблюдениями. Его амбиции теперь работали на то, чтобы ущемить другого или уличить его в неосведомленности в чем-то таком, что ему, Эду, хорошо известно. Он стал злобным занудой... И все потому, что есть Андрей Тарковский, Никита Михалков, Ролан Быков и много-много других. О них он говорил как о шизике, наглom цинике, нетерпимом самовлюбленном нарциссе и другое, признавая, однако, их талант и некое обаяние творческой личности. Он делал вид, что сам не хочет близко общаться с ними, но в действительности его задевало, что они не интересуются его, Эда, персоной.

Эд мучительно завидовал по-настоящему успешным. Как агрессивно он им завидовал! Он даже согласился быть информатором в заинтересованные организации. Наконец-то он мог отыграться на этих выскочках! Кроме того, ему предоставляли возможность снимать кино без проволочек, он мог выезжать за рубеж. Правда эти заинтересованные организации, давая деньги, пленки, павильоны и командировки, таланта Эдичке дать не могли. (За глаза его многие звали «Эдичка».)

Друзей у Эда не было вовсе. В своей профессиональной среде у Эда были проницательные недоброжелатели.

Под гнетом неадекватных амбиций и созданных им самим жизненных обстоятельств Эд нажил себе язву желудка. Но язва как болезнь – обычное дело для режиссера.

Режиссерская работа – дело нервное. «Язва – как у всех у нас, у режиссеров», – говаривал Эдичка. «Вот и Вася Шукшин с язвой желудка как маялся, бедолага», – объявлял он всякий раз для большей убедительности. Ох, уж эти сравнения...

Как у всех у них, у Эда была квартира в кооперативе творческих работников кино: режиссеров, операто-

ров, сценаристов, продюсеров. Как у всех у них, у Эда была машина. Формально у Эда был весь джентльменский набор режиссера. Даже любовницы.

Эдичка приобрел себе квартиру в нужном доме, в нужном месте – на Аэропорте, но его злило, что это очень маленькая квартирка в сравнении с квартирами и дачами более успешных коллег. У него были любовницы, но их превосходили любовницы тех других, «успешных выскочек». У тех – этакие светские изящные длинноногие девочки. У Эда – не светские, не изящные, не длинноногие... Все выстраивалось в жизни таким образом, что Эдичка всякий раз оказывался в проигрыше, обойденным фортуной.

Он притязал быть лучшим. Ну, хотя бы известным... Не вышло...

Он пытался расстаться с ненавистным наречением: «Эдичка». Не вышло. Эдичкой стала спонтанно называть его вновь обретенная пассия, не ведая того, что она неудачно повторилась...

И он умер... Умер от огорчения в своей несостоятельности.

«Он умирает без наставления и от множества безумия своего теряется». Книга Притчей Соломоновых [5:23].

Он был талантлив в другом. Но он притязал на талант в том, чего ему дано не было.

Он не состоялся как режиссер. Но в узаконенных неосуществленных притязаниях в нем не состоялся и человек...

А жаль.

История вторая. Настоящая (сегодняшняя)

Его полное имя Григорий. Но по одной ему ведомой причине он предпочитает, чтобы его звали Гошей. Не Гришей, как это обычно бывает, а Гошей. Хотя Гоша происходит от полного имени – Игорь.

Гоша в детстве натерпелся унижений. Он был хрупок и мал ростом. Кроме того: Гоша не обладал обаянием. Он был совсем лишен обаяния.

Сверстники не знали сочувствия и попирали Гошу своим телесным превосходством. Гоша хорошо учился в школе, но и за это был унижаем физическим насилем одноклассников. Щелчки и тычки не столько были болезненны телесно, сколько наносили ущерб психологический. От постоянной угрозы унижения от легкомысленного пренебрежения одноклассников у Гоши развилась способность к рефлексии на других – на их настроения и возможные выпады. Он мог предчувствовать и тонко ускользнуть от спонтанного выражения мальчишеской агрессии и пренебрежения к его perso-

не. В качестве компенсации униженному своему состоянию Гоша научился совершать *побег* во внутренний, скрываемый от других, мир. Этот *эскапизм* спасал и релаксировал его психику. Внутри своего мира Гоша обретал неоспоримую власть над людьми своим утопическим положением и богатством. Здесь он расправлялся с обидчиками, обретая мифологическую телесную и психологическую силу. Он не хотел прощать и миловать. Он расправлялся изощренно и жестоко. Все враги подлежали уничтожению... Однако это не спасало от душевной травмы: комплекс ущербного человека упорно развивался и отзывался изматывающей душу болью.

Ученые успехи в вузе никак не содействовали освобождению от комплекса неполноценности. Девушки – пренебрегали им. В спорте он не мог стать первым...

В юности Гоша убегал, как в детстве, в свой внутренний мир, где он мог реализовать свои амбиции в полной мере. Он выходил за пределы своих реальных возможностей, туда, где отсутствовали здравый смысл и логика обыденной человеческой жизни, где все проблемы решали грезы и ирреальные мечты. Но фантазирование Гоши сопрягалось с тщательным обдумыванием, он был реалистичен в своем фантазийном мире.

Карьеры, соответствующей своим притязаниям, он так и не сделал. Он стал работать в школе. Его отец и его брат занимали большие должности и имели высокие звания в той же области знаний, в которой он был школьным учителем. Это обстоятельство постоянно унижало Гошу – не меньше, чем тычки и затрещины в школьные годы. Да, во взрослой своей жизни он уступал тем, кто был рядом, с кем вольно или невольно он себя отождествлял.

При этом он был весьма образованным молодым человеком: его интересовали мыслители – философы, историки, филологи и писатели. Он с интеллектуальной заинтересованностью постигал идеи бытия человека в мире, идеи смысла жизни и предназначения человека. Он был адекватен своему времени, когда размышлял об общем. Но он терял здравый смысл, когда переключался на самого себя. Он не мог, не хотел думать о себе в соответствии своим реальным возможностям. Он хотел быть адекватным своим амбициям: он жаждал большого достатка, который обычно сопутствует успеху, блестящей карьере. Эмоциональная фиксация на сопутствующих успеху факторах усиливала побуждение к поиску выхода из созданной им самим проблемной для себя ситуации.

Притязание на признание – сложная и коварная потребность человека. В Библии сказано: «Дерзайте!» [Евангелие от Матфея. 9:2; 9:22 и др.]. Дерзание делает человека человеком. Но притязание двойно, оно обусловлено двумя простыми на первый взгляд социальными формулами: «быть как все» и «быть лучше, чем все». «Я это смогу!» – говорит мальчишка о себе. «Я это сделаю лучше, чем ты!» – выражает он уверенность в своих возможностях. Человек всегда стремится к признанию со стороны других людей – он социален. Быть как все – норма социальных ожиданий и стремлений тех, кто почувствовал необходимость в своей социальности. Быть лучше всех – индивидуальные амбиции, стремление превзойти и проявить свою исключительность. Это возможно от дьявола.

«Не путайте меня с другими!» – говорил Заратустра. Еще одна форма выражения притязаний. Но стремление быть лучше других – изощренное притязание.

Гоша притязал на исключительность...

Он был незауряден. Начитан. Умел мыслить. Был наблюдателен и чуток к состояниям и настроениям других. Он тонко отзывался сопереживанием на горе и сорадостью на успехи других. Но в нем продолжали жить и разъедать его личность этот пресловутый комплекс неполноценности и эти его мучительные амбиции. Он хотел внешних, социальных подтверждений своей состоятельности. Он хотел и внутренних, психологических подтверждений своей исключительности.

Что должно случиться, чтобы он реализовал свои амбиции?

Каждый сам ищет разрешение своих проблемных ситуаций. В сознании у Гоши два вектора странным образом построились в одном направлении: подтверждение своих выдающихся интеллектуальных способностей и возможность получить материальные блага соединились в одном векторе, который стал вычурным стимулом, усиливающим столь опасные, но столь человеческие побуждения. Внутренние образы и желания прорвались как нарыв в реальную жизнь.

В конце концов Гоша стал многократным беспощадным убийцей... Он стал рациональным преступником.

Известные убийцы, гордящиеся своими исключительным интеллектом: русский студент Раскольников – литературный герой Федора Михайловича Достоевского; японский студент Фукия – литературный герой Эдогавы Рампо. Их много – тех, кто честолюбиво считали и продолжают считать себя исключительно хитроумными, разгадать замыслы которых невозможно (как они полагают!) обыденному уму следователей и

прочих представителей юстиции. Гоша – не исключение, а подтверждение неких общечеловеческих закономерностей движения изоциренной мысли, закованной в узы неосуществленных притязаний.

Обсуждая свои преступления по прошествии более десяти лет пожизненного заключения, Гоша сообщил как-то, что был одержим честолюбивой идеей – *совершить хитроумные преступления, разгадать которые было бы невозможно*. С точки зрения решения сложной задачи, он правильно рассчитывал – его преступления были так дерзки и циничны, что трудно было представить, что их мог совершить столь сублильный физически, столь образованный и тонко чувствующий человек.

Гоша убивал *своих* – друзей, хороший знакомых и кровных родственников. Кому могло бы прийти в голову, что такое возможно?

Он ходил к ним в гости. Дружил... Он проникал к ним теми чувствами, которые позволяли ему войти в полное, абсолютное доверие. Он становился нужным. *Он становился своим*. Ему оставляли ключи от дома. Ему открывали двери без предварительной договоренности о встрече – просто по звонку в дверь и короткому ответу на вопрос «Кто там?». «Свои», – говорил Гоша мягким дружеским голосом. Он приходил с подарком «к чаю». Он был приятным и интересным собеседником. Ему были рады. Он был *свой*.

В один из дней он так же, как всегда, приходил в дом, располагался *как свой*, но улучив момент, в соответствии с продуманным замыслом, зверски убивал друзей, хороших знакомых и кровных родственников... Он убивал, чтобы присвоить их деньги и вещи. Убивал, чтобы утвердить себя в своем исключительном хитроумии – он все рассчитал.

Спустя десять лет после того как его осудили на смертную казнь, а позже помиловали и дали пожизненное осуждение, Гоша говорит о покаянии, но в интонациях его голоса проскальзывают нотки гордости, отчужденной от самого злодеяния, гордости за свой интеллект: он долго, очень долго был вне подозрения. Пока не попался. «Случайно». «Попался случайно» – это Гошины слова, он произносил их не раз. С искренним огорчением. Он был недоволен собой. Он просчитался.

Гоша убивал ради наживы. Но и ради того, чтобы утвердить себя в исключительном своем интеллекте.

Он притязал на превосходство. Этаким *сверхчеловек*.

Гоша умен и образован. Но он забыл, что их много – таких как он: в узах греха своего они содержатся из века в век.

И имя им – легион.

История третья. Будущая...

Лаврентий – его полное имя. Молодой человек всегда называет себя полным именем: Лаврентий. Имя происходит от названия лаврового дерева, символизирующего торжество победителя.

Лаврентий знает истонное значение своего имени. Красиво. Звучно. Значение имени льстит молодому человеку... Только где-то в подсознании фонит еще один Лаврентий – не последняя персона Советского Союза. И ты напрягаешься невольно...

Но: «Нет в мире повторенья...». Будем уповать на эту обнадеживающую банальную мысль.

Если все-таки отрешиться от имени, то что можно сказать о молодом человеке? Внешность – так себе: нет породы, нет стати, нет хороших манер. Не образован. Мало восприимчив. Но есть общее обаяние молодости. Есть амбиции – дерзайте молодой человек!

Явная закрытость может оказаться чем угодно: может быть выражением сдержанности натуры, но может быть – это плотно закрытая дверца черного ящика...

Черный ящик – это всегда интригующая загадка: что там? Может быть – что-то значительное. Может быть – как у Пандоры – сосуд с заключенными в нем пороками. Может быть – пустота, ничто.

Но пока черный ящик не раскрыт он привлекает внимание. Вызывает естественную ориентировочную реакцию: «Что там?»

Неведомыми силами Лаврентия занесло в психологию. Ох и не простая это наука. Наука о душе.

Чтобы войти в науку – надо знать ее предмет, ее методы, ее систему понятий. Надо иметь свои собственные идеи, которые ты не можешь не разрабатывать. Не можешь – потому что поглощен этими идеями и работа над ними превращается в твой образ жизни. В твой восторг. В твою добровольную каторгу.

Образ жизни Лаврентия – за пределами науки. Наука для него – средство. Цель – социальный статус и благосостояние. Кто из молодых в начале XXI века у нас в России не думает о благосостоянии? Только чудики, влюбленные в свою профессию, в свое дело... Их так мало, этих чудиков. Лаврентий не чудик. Он им и не станет. Он прагматик. Наука – средство. Только средство. К тому же он ленив. Ему остается одно – ловить.

И он начал ловчить...

Не хочу продолжать... Что-то мне стало не по себе от этих тенденциозно повторяющихся историй.

Мы, люди, каковы?

Как-то нечистый дух сказал Иисусу: «Легион имя мне, потому что нас много».

Легион, легионъ в старом счете сто тысяч, а иногда миллион, тьма, множество.

Будем уповать на то, что легион – это еще не все.

